

УДК 342.4

Проблема стабильности конституционного строя Российской Федерации

Ю.Г. Федотова,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственного права
Курганского государственного университета
Россия, Курган
julia.fedotowa@yandex.ru

Рассматриваются проблема стабильности конституционного строя РФ и гарантии ее обеспечения. Исследуется обеспечение стабильности конституционного строя и его основ в широком и узком смыслах этого понятия, анализируются практика Конституционного Суда РФ и механизм обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: конституция, конституционный строй, стабильность, юридическая гарантия, фактическая гарантия, Конституционный Суд РФ, безопасность.

Дать оценку реализации начал конституционного строя — значит, выявить уровень его стабильности. Прежде всего, нужно обратиться к тому, как закреплены основы конституционного строя в Конституции Российской Федерации 1993 года (далее — Конституция РФ), что является, на наш взгляд, первичной гарантией его стабильности.

В гл. 1 Конституции РФ, посвященной основам конституционного строя, в ст. 15 обозначено, что конституция «имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации». В соответствии с этим принципом законы и иные правовые акты, принимаемые в России, не должны противоречить Конституции РФ, а значит и основам конституционного строя, в ней закрепленного. Часть 2 ст. 15 Конституции РФ закрепляет, что «органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы».

Акцентируем внимание на формулировке ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, из которой видно, что происходит разграничение Конституции РФ и законов, к коим конституция не относится, поскольку видом закона не является. Такое отделение конституции от законов, на наш взгляд, является целесообразным и обоснованным. Данное разграничение определяет верховенство конституции не только по отношению к законам как нормативным правовым актам и нижестоящим правовым актам, но и по отношению к общепризнанным нормам и принципам международного права. Действительно, положения международных правовых актов (нормативность которых является дискуссионной в науке международного права) не могут быть выше по юридической силе, чем консти-

туционные положения. Верховенство конституции вытекает из народного и государственного суверенитетов, обеспечивающих ее легитимацию. В свою очередь положения международных правовых актов имеют производный характер, поскольку принимаются в качестве результата ограничения конкретными субъектами международных отношений — государствами, — действующими в соответствии с конституционными нормами, своего государственного суверенитета.

Положение ч. 2 ст. 15 Конституции РФ является основой принципа общеобязательности норм Конституции РФ и верховенства Конституции РФ и закона над обществом и государством. Ярким примером реализации этих норм Конституции РФ является постановление Президиума Московского городского суда о том, что целый массив постановлений Правительства города Москвы о приостановлении прописки (регистрации) в дома, относящиеся к жилому фонду, подлежащему реконструкции (программа ликвидации пятиэтажек), противоречит Конституции РФ, провозглашающей право человека на свободу передвижения и выбора места жительства (ст. 27). К тому же ч. 3 ст. 55 Конституции РФ устанавливает порядок ограничения конституционных прав граждан: эти ограничения могут быть установлены только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [15, с. 14—15].

Значение норм, закрепляющих основы конституционного строя РФ, подчеркивается в ст. 16 Конституции РФ, устанавливающей, что «никакие другие нормы <...> Конституции не могут противоречить основам конституцион-

ного строя Российской Федерации». Получается, что Конституция РФ как учредительный акт содержит в себе собственную «конституцию», ядро, нормы, не только являющиеся ее составной частью, но и определяющие принципы для других положений Конституции РФ. Потому они и носят название основ конституционного строя. Отметим, что место в российской правовой системе, которое отводит Конституция РФ для международных договоров, не является главенствующим над основными конституционного строя: международные договоры являются лишь «составной частью ее правовой системы».

Порядок внесения и принятия предложений о пересмотре положений гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ устанавливается в соответствии со ст. 135 Конституции РФ, предусматривающей, что Федеральное Собрание не может пересмотреть гл. 1 «Основы конституционного строя». Нормы, определяющие основы конституционного строя РФ, не могут быть изменены без принятия новой конституции, устанавливающей иной конституционный строй, базирующийся на иных принципах. Тот факт, что ст. 16 Конституции РФ, указывающая на это, включена в гл. 1 Конституции РФ, показывает, что одной из основ конституционного строя является его «самозащита», невозможность изменить его частично.

Если *юридическими гарантиями* стабильности конституционного строя являются его действие на всей территории, закрепление его основ в Конституции РФ — акте высшей юридической силы, обладающем прямым действием, а также принятие и возможность изменения в порядке, установленном самой Конституцией РФ, то *фактическими гарантиями* выступают различные меры, принимаемые государством для реализации закрепленных основ, то, что является неотъемлемым элементом для претворения основ конституционного строя в жизнь. Это необходимо для достижения совпадения юридической и фактической конституций, т.е. чтобы в полной мере использовать заключенный в самой Конституции РФ потенциал.

Такой гарантией стабильности конституционного строя является, прежде всего, установление Уголовным кодексом Российской Федерации 1996 года в соответствии с ч. 4 ст. 3 Конституции РФ нормы, предусматривающей ответственность за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства [14, с. 42—43]. При этом уголовная ответственность не является единственной мерой государственного принуждения, применяемой в целях охраны конституционного строя РФ. Весьма актуальной является проблема *конституционной ответственности*, возникающей за «невыполнение высшими долж-

ностными лицами своих обязанностей по защите конституционного строя» [6]. Причем особую значимость приобретает вопрос об ответственности за неисполнение решений Конституционного Суда РФ. При этом нельзя утверждать, что Конституция РФ безразлична к названному вопросу: в ней предусмотрены институты отрешения Президента РФ от должности (ст. 93) и ответственности Государственной Думы (ст. 109). Однако ими не исчерпывается необходимый и возможный объем конституционной ответственности должностных лиц и органов государственной власти РФ и ее субъектов. Нормативно эта проблема может быть решена без внесения поправок в Конституцию РФ — через принятие соответствующих федеральных конституционных и федеральных законов [19, с. 120—121].

Важной гарантией конституционного строя РФ является *судебный конституционный контроль*. Согласно ст. 18 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Конституционный Суд РФ «является судебным органом конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства». Такое положение Конституционного Суда РФ отнюдь не случайно. Статья 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривает широкий перечень его полномочий, среди них особенно важными для осуществления конституционного контроля являются разрешение дел о соответствии Конституции РФ федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, конституций республик, уставов и т.д., а также право давать толкование Конституции РФ. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что решающую роль в толковании и охране Конституции РФ и конституционного строя РФ играет деятельность Конституционного Суда РФ.

В Рекомендациях Всероссийского совещания по проблемам исполнения федеральными органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации [17] отмечалось, что во многом «слабость» механизма исполнения решений Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации обусловлена незавершенностью законодательного регламентации этой стадии конституционного судопроизводства; отсутствием федерального закона об ответственности за неисполнение либо

воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда РФ, недооценкой палатами Федерального Собрания, органами государственной власти субъектов Российской Федерации социальной значимости решений конституционного правосудия в обеспечении правовой стабильности и упрочении конституционного строя. Отрицательно сказываются и неиспользование потенциала юридических ведомств, в частности Министерства юстиции РФ, а также ограничение деятельности конституционных (уставных) судов лишь территорией 12 субъектов Российской Федерации.

В целях укрепления гарантий стабильности основ конституционного строя Федеральным конституционным законом от 05.04.2013 № 1-ФКЗ «О внесении изменения в статью 80 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”» были внесены дополнения, в соответствии с которыми Правительство РФ не позднее шести месяцев после опубликования решения Конституционного Суда РФ, если иной срок не установлен постановлением Конституционного Суда РФ в соответствии с п. 12 ч. 1 ст. 75 данного Федерального конституционного закона, вносит в Государственную Думу проект нового федерального конституционного закона, проект нового федерального закона или ряд взаимосвязанных проектов законов либо законопроект о внесении изменений в закон, признанный Конституционным Судом РФ неконституционным в отдельной его части. Президент РФ, Совет Федерации, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ по вопросам их ведения вправе осуществлять подготовку проекта нового федерального конституционного закона, проекта нового федерального закона или ряда взаимосвязанных проектов законов либо законопроекта о внесении изменений в закон, признанный Конституционным Судом РФ неконституционным в отдельной его части, и вносить их в Государственную Думу. Правительство РФ в случае подготовки положительного заключения или положительного официального отзыва на законопроект, внесенный одним из субъектов права законодательной инициативы, указанных в настоящем абзаце, вправе отложить внесение законопроекта, инициатором которого является Правительство РФ.

Интересно проследить, как сам Конституционный Суд РФ оценивает уровень стабильности конституционного строя РФ. Отметим, что проблема стабильности конституционного строя Конституционным Судом РФ не оставле-

на без внимания. Так, Заявление Конституционного Суда № 3-3, принятое за полтора года до принятия Конституции РФ, несет в себе существенную информацию. Конституционный Суд РФ заявлял, что «конституционный строй нашего государства — под угрозой. Противостояние различных политических сил приближается к крайней черте. Усиливается правовой нигилизм, попираются основополагающие конституционные принципы, разрушаются гражданский мир и согласие. Огромный размах приобрела преступность, лишившая граждан чувства безопасности. Падает доверие людей к власти. Принимаемые законы, акты Президента и Правительства не выполняются либо не достигают желаемых результатов» [6]. В настоящее время заметно, что данные проблемы решаются или решены. Как уже было сказано, противостояние различным политическим сил (со своими особенностями) сведено к минимуму, одна из главных целей государства — это построение гражданского общества, а значит, преодоление нигилизма, недоверия общества, повышение уровня правовой и политической культуры личности. Современные тенденции развития федерализма в России решают «проблему целостности России».

В Заявлении Конституционного Суда № 3-3 также указано, что «государственные органы, на которые Конституцией возложена обязанность защищать конституционный строй, права и свободы граждан, проявляют недопустимую пассивность, не используют предоставленные им Конституцией и законами полномочия» [6]. На сегодняшний день *деятельность органов государственной власти по охране и защите конституционного строя* является одной из гарантий стабильности конституционного строя РФ. В качестве примера можно указать, что Президент РФ (гарант Конституции РФ) принимает решение о приеме в гражданство РФ, причем отклоняются заявления о приеме в гражданство РФ и о восстановлении в гражданстве РФ, поданные лицами, которые выступают за насильственное изменение основ конституционного строя РФ или иными действиями создают угрозу безопасности РФ.

В 1995 году в Постановлении от 31.07.1995 № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 “О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики”, Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 “О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта”, Постановления Правительства Российской Федерации от

9 декабря 1994 г. № 1360 “Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа”, Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 “Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации” Конституционный Суд РФ указал, что из Конституции РФ можно вывести некоторые основные критерии правомерности действий федеральных органов государственной власти: а) сохранение и стабильность основ конституционного строя Российской Федерации; б) уважение основ правового статуса личности и незыблемость неотъемлемых прав человека и гражданина; в) стабильность Федеративного договора, как он интегрирован в Конституцию РФ; г) уважение и соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права и обязательств по международным договорам с участием Российской Федерации.

В 1998 году Конституционный Суд РФ оценил деятельность органов государственной власти с точки зрения обеспечения стабильности конституционного строя РФ в Постановлении от 11.12.1998 № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации», указав, что провозглашенная в преамбуле Конституции РФ цель утверждения гражданского мира и согласия обуславливает и необходимость согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, которые в соответствии с Конституцией РФ обеспечиваются Президентом РФ (ч. 2 ст. 80). Иное не отвечает конституционному назначению государственной власти и ставит под угрозу стабильность конституционного строя России как демократического правового государства. Принципами функционирования механизма (системы) государственной власти в РФ, согласно ст. 10 Конституции РФ, являются разделение единой государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную (каждая власть в пределах своей компетенции действует самостоятельно) и взаимодействие (сотрудничество) властей в целях достижения общих конституционных целей и задач (обеспечение стабильности конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина и др.).

В Постановлении от 17.11.1998 № 26-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» (далее — Постановление № 26-П) Конституционный Суд РФ изложил правовую позицию относительно установления загради-

тельного барьера в избирательном процессе, отметив, что демократический принцип равных выборов и обязанность государства гарантировать равенство избирательных прав граждан, с одной стороны, и принципы федерализма и равноправия субъектов Российской Федерации, с другой, могут в известной мере входить в юридическое противоречие. Как свидетельствует опыт современных федеративных государств, законодатель с учетом особенностей территориального устройства и размещения населения, а также в целях сохранения государственного единства и стабильности конституционного строя, без которых невозможна нормальная реализация прав и свобод человека и гражданина, допускает в качестве вынужденной меры определенные отступления от общей нормы представительства, т.е. прибегает к ограничению равного избирательного права в пользу принципов федерализма. Подобного рода диспропорции в избирательной системе не могут считаться результатом произвола и злоупотреблений. Учитывая возникшие в процессе принятия рассматриваемого Федерального закона обстоятельства, в частности позицию Совета Федерации, исходя из исторически обусловленных особенностей России как федеративного государства, специфики ее территориального устройства и крайне неравномерного размещения населения в различных субъектах Российской Федерации, с тем чтобы не поставить под угрозу основы конституционного строя и его стабильность, законодатель мог в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предусмотреть в данном Федеральном законе норму, устанавливающую отклонения от единой нормы представительства.

Конституционным Судом РФ неоднократно подчеркивалось, что законодатель, регулируя порядок организации выборов в Государственную Думу, а также участие политических партий и избирательных блоков в выборах депутатов Государственной Думы, вправе в интересах избирателей предусмотреть специальные условия, позволяющие исключить из избирательного процесса тех его участников, которые не имеют достаточной поддержки избирателей. Данная правовая позиция была сформулирована Конституционным Судом РФ в Постановлении № 26-П. Законодательное закрепление таких условий помогает избежать раздробления депутатского корпуса на мелкие группы и фракции, способствует обеспечению нормального функционирования парламента, стабильности законодательной власти и конституционного строя в целом, что было отмечено в определениях от 09.06.2004 № 215-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы политической партии “Народная партия Российской Федерации” на нарушение конституционных прав и свобод положениями пунктов 1 и 2

статьи 71 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», от 12.03.2002 № 39-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А.В. Жданова на нарушение его конституционных прав пунктом 4 статьи 67 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», от 02.11.2000 № 234-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ряда общественных объединений на нарушение конституционных прав и свобод положениями Федеральных законов «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»». При этом избирательные права граждан не ограничиваются и не нарушается равенство общественных объединений перед законом (ч. 4 ст. 13 Конституции РФ).

В 2007 году Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16.07.2007 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия — Российская партия коммунистов» еще раз подчеркнул, что введение процентного барьера (так называемый заградительный пункт), означающего некоторое ограничение пропорциональности представительства, позволяет избежать раздробления депутатского корпуса на множество мелких групп, с тем чтобы обеспечить нормальное функционирование парламента, стабильность законодательной власти и конституционного строя в целом.

В.В. Красинский отмечает, что анализ решений Конституционного Суда РФ о противодействии религиозно-политическому экстремизму свидетельствует о выработке системы доктринальных взглядов судей Конституционного Суда РФ, направленных на предупреждение и пресечение экстремистских проявлений, в том числе в политической и религиозно-идеологической сферах. В частности, к числу таких доктринальных взглядов относятся: право федерального законодателя устанавливать содержание и объем полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по противодействию терроризму и экстремизму; правомерность ограничения создания политических партий по признакам национальной и религиозной принадлежности; недопустимость создания региональных и местных политических партий; установление численности партии с учетом невозможности раздробления депутатского корпуса на множество мелких групп в целях обеспечения ста-

бильности законодательной власти и конституционного строя в целом [10, с. 113—117].

В 2006 году Конституционный Суд РФ в Постановлении от 29.11.2006 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 100 Регламента Правительства Российской Федерации» отметил, что закрепленная Конституцией РФ организационная и функциональная самостоятельность органов законодательной власти предопределяет конституционно-правовой статус законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации и, соответственно, их участие в федеральном законотворчестве, которое осуществляется в различных формах, предусмотренных Конституцией РФ и федеральными законами. В частности, в силу ч. 1 ст. 104 Конституции РФ они наделены правом законодательной инициативы, что служит поддержанию единства системы государственной власти как одной из основ федеративного устройства РФ и стабильности ее конституционного строя (ч. 3 ст. 5 Конституции РФ) как условия реализации публичной властью преследуемых Конституцией РФ целей и способа обеспечения конституционных ценностей. Исходя из вытекающего из Конституции РФ требования обязательности для всех органов публичной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых в соответствии с ее ч. 3 ст. 80, все субъекты права законодательной инициативы, наделенные властными полномочиями, включая законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации, обязаны в процессе осуществления своих полномочий действовать таким образом, чтобы не ставить под угрозу стабильность установленных Конституцией РФ государственно-правовых форм жизнедеятельности общества и должный баланс общественных интересов.

Проблемам стабильности конституционного строя РФ, стабильности основ конституционного строя РФ, стабильности законодательной власти, стабильности правового регулирования посвящены и иные акты Конституционного Суда РФ (Постановление от 24.05.2001 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой», Определение от 02.11.2000 № 234-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ряда общественных объединений на нарушение конституционных прав и свобод положениями федеральных законов «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и

«Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Проблемы стабильности гражданских и общественных правоотношений не оставлены без внимания и Верховным Судом РФ (Решение Верховного Суда РФ от 25.06.1998 № ГКПИ98-187 «Об отказе в удовлетворении жалобы о признании незаконным (недействующим) Положения о порядке проведения конкурса на замещение должностей нотариусов, утв. Минюстом РФ, Федеральной нотариальной палатой 07.06.1994», Определение Верховного Суда РФ от 20.07.1999 № КАС99-149 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.1999, которым отказано в удовлетворении заявления о признании недействительным Распоряжения Президента Российской Федерации от 16.08.1998 № 308-РП»).

Как подчеркивает Н.В. Витрук, «слабость, неэффективность исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации во многих случаях обусловлена не только общей недооценкой роли и значения конституционного правосудия в обеспечении правовой стабильности, в упрочении конституционного строя, особенно в условиях качественной трансформации общественного строя (отсутствие достаточных материально-финансовых ресурсов и средств, правовой нигилизм, низкая правовая культура населения), невысоким престижем Суда, неустойчивостью позитивных тенденций в переходный период, но и незавершенностью законодательной регламентации этой стадии конституционного судопроизводства, механизма доведения решений Конституционного Суда Российской Федерации до логического конца, до реализации, отсутствием реальной конституционно-правовой ответственности за неисполнение решений Конституционного Суда» (цит. по: [13]).

При этом следует согласиться с позициями ученых относительно актов Конституционного Суда РФ по толкованию конституции. Т.Я. Хабриева указывает, что Конституционный Суд РФ не может модифицировать норму ни при казуальном, ни при нормативном толковании Конституции РФ [18, с. 21]. В.В. Лузин высказывается о недопустимости использования в системе континентального права метода свободного толкования конституции [11, с. 93].

Как отмечено в Рекомендациях Всероссийского совещания по проблемам исполнения федеральными органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, Конституционный Суд РФ, как

подтверждает практика, своими решениями способствует упрочению в стране конституционного строя, политической стабильности, реализации принципа разделения властей, укреплению федерализма и местного самоуправления, защите конституционных прав и свобод человека и гражданина. Решения Конституционного Суда РФ дают толкование нормам Конституции РФ, выявляют конституционно-правовой смысл положений действующего законодательства [17].

Место и роль Конституционного Суда РФ в системе разделения властей, его основные функции и полномочия как судебного органа конституционного контроля определяются, прежде всего, тем обстоятельством, что Конституционный Суд — «хранитель Конституции». В этом плане, как отмечает И.А. Корзина, обеспечение стабильности Конституции РФ, незыблемости конституционного строя, охрана признаваемых РФ прав и свобод человека и гражданина — важнейшая задача Конституционного Суда РФ [8, с. 48—51; 9, с. 29—33].

При этом, на наш взгляд, Конституционный Суд РФ выступает гарантом стабильности конституционного строя РФ и обеспечивает конституционную безопасность в узком смысле этого слова, поскольку его деятельность направлена на осуществление последующего конституционного контроля, связана, прежде всего, с проверкой соответствия положений нормативных правовых актов Конституции РФ как писаных источников правовых норм. В процессе реализации Конституционным Судом РФ своих полномочий он не осуществляет формальное толкование конституционных положений, но выявляет их конституционно-правовой смысл, оценивая последствия их применения, отражающиеся на всех значимых сферах общественной жизни, реализации прав и интересов личности и функционировании государства. При этом Конституционный Суд осуществляет свою деятельность по поступившим запросам и жалобам иных субъектов. Поэтому полагаем обоснованным рассмотрение проблемы конституционной безопасности и обеспечения стабильности основ конституционного строя РФ в широком смысле этого слова, поскольку деятельность всех органов государственной власти, иных государственных органов, не относящихся к системе разделения властей, органов местного самоуправления, общественных объединений, граждан, юридических лиц и т.д. прямо или косвенно связана с реализацией конституционных норм и обеспечением эффективности реализации конституционных положений, составляющих основы конституционного строя Российского государства.

В науке конституционного права можно встретить различные точки зрения относительно способов обеспечения стабильности консти-

туционного строя и стабильности самой конституции. Так, по мнению В.О. Лучина, уровень стабильности конституционных норм во многом зависит от того, насколько оптимально определен их предмет: конституционные нормы не должны регулировать динамичные отношения, не отражающие устойчивых тенденций и закономерностей общественного развития [12, с. 43]. Как отмечает Н.В. Витрук, «стабильность Конституции РФ проявляется в неизменности ее установлений, в сохранении высокой степени устойчивости и неподверженности воздействию политических сил, меняющихся у власти, в неуклонном ее исполнении. Общественный компромисс, воплощенный в конституции, служит гарантией реальности и стабильности функционирования гражданского общества, политической системы, конституционного строя» (цит. по: [16]).

Ряд отечественных исследователей считают, что безусловная неизменность основного закона не является гарантией эффективности реализации полномочий органа государственной власти. Качественная реализация организационной функции конституции государства является залогом эффективности реализации государственной власти [21, с. 64—65]. Как указывает С.А. Авакьян, «попытку сделать Конституцию неизменной нельзя считать серьезной. Конституция развивается вместе с обществом, она должна меняться, если есть необходимость. Стабильность Конституции обеспечивается не тем, что в нее не вносят изменения, а тем, что она соответствует потребностям общества. В этом случае она действует» [2, с. 1]. Оценивая перспективы действующей Конституции РФ, С.А. Авакьян отмечает, что «мудрость заключается в том, чтобы не затягивать то, что называется переходным периодом, и дать стране и народу конституцию для длительного и устойчивого развития», такая конституция «станет основой гармоничного развития общества; полнее отразит цели и задачи государства, его связь с обществом»; изменит баланс центральных властей за счет отражения реальной роли парламента [1, с. 6—21].

В своей работе 2005 года Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин подчеркнули, что вечных конституций, пригодных для всех времен и народов, быть в развивающемся обществе не может. Поэтому на определенном этапе общественного развития встанет вопрос о принципиальных поправках или об изменении российской Конституции 1993 года. Необходимо учитывать, что понятие современной конституции сложилось на основе длительного исторического развития. Прежде всего, современная конституция — это учредительный правовой акт, учредительный закон. Конституция как «каркас общественной жизни» закрепляет и регу-

лирует только основные, главные, принципиальные общественные отношения, является базой для развития других общественных отношений [20, с. 7—8, 34, 37, 64].

Некоторые конституционалисты обосновывают необходимость конституционной реформы, в том числе в целях стабильности конституционного строя. Как отмечает Н.А. Боброва, «задача замораживания текста Конституции России в неизменном виде ради стабилизации общества и государства исчерпала себя и превратилась в тормоз общественного развития. Налицо конституционный кризис, который можно разрешить лишь кардинальной реформой Конституции» [4, с. 33—37].

Ю.Г. Барабаш подчеркивает важность определения, прежде всего, предмета обеспечения стабильности конституционного строя, указывая, что «украинские ученые активно бросились создавать эфемерные механизмы обеспечения стабильности конституционного строя, не разобравшись до конца, возник ли этот строй на самом деле как система отношений, базирующихся на демократических началах, уважении к человеческому достоинству и обеспечении автономии личности (хотя если быть точным до конца, то в указанных исследованиях констатируется факт существования этого порядка) <...>. И потому, прежде чем подытоживать 20-летние результаты государственного строительства, следует откровенно сказать о том, а началось ли становление такого желанного для всех отечественных юристов “конституционного строя”» [3, с. 55—59].

Данная позиция интересна тем, что предмет обеспечения стабильности конституционного строя и его основ — не только зафиксированные в писаной конституции постулаты, основополагающие принципы организации государства и общества и конституционно-правового статуса личности. Охране и защите подлежат фактически сложившиеся конституционные правоотношения.

В то же время, как отмечает В.Т. Кабышев, реальная (фактическая конституция) и нормативная (юридическая конституция) модель нередко вступают в противоречие, ибо жизнь всегда богаче любой конституционной формы. Стабильность конституционного строя не определяется буквальным соответствием фактической и юридической конституции. Фактическая, реальная конституция практически никогда не соответствует в полном объеме юридической конституции. Основы фактической конституции — в неизменности конституционного строя. На это должна быть направлена конституционно-правовая практика государства [7].

Действительно, задача обеспечения стабильности основ конституционного строя РФ состоит в защите и охране как зафиксированных конституционным законодательством ос-

новополагающих принципов (иначе конституция не будет являться реальной), так и действительных, фактических общественных отношений, ценность которых равнозначна. Тем самым, проблема стабильности основ конституционного строя имеет настолько объемное содержание, что включает в себя и деятельность, совокупность мер, применяемых в целях претворения зафиксированных в писаном источнике основ конституционного строя в жизнь, а значит обеспечение реальности Конституции РФ. Вот в чем, на наш взгляд, и состоит обеспечение конституционной безопасности в широком смысле.

При этом оставим в стороне проблемы реформирования Конституции РФ и ее отдельных положений. Полагаем, что, действительно, отказ от внесения поправок в текст Конституции РФ не является гарантией стабильности конституционного строя РФ, а, наоборот, делает конституцию нежизнеспособной. Как показывает зарубежная практика, стабильность конституции определяется именно ее соответствием потребностям общества и государства. «Живая» Конституция США, единственная для данного государства, не являлась и не является неизменной и подлежит расширительному толкованию Верховным Судом США [22; 23, с. 112—113, 125—127; 24; 25; 26; 27].

На наш взгляд, влияние изменения отдельных положений Конституции РФ на стабильность конституционного строя РФ является довольно спорным. В целом же стабильность конституционного строя и его основ в широком смысле связана с обеспечением не неизменности конституционных положений, а их реального воплощения и их охраны от возможных нарушений.

Важнейшей фактической гарантией конституционного строя является национальная безопасность [14, с. 50—51]. А.В. Возженников отмечает, что целью-ценностью, определяемой национальными интересами, является национальная безопасность — состояние страны, при котором отсутствуют или устранены (парированы) реальные внешние и внутренние угрозы ее национальным ценностям, интересам и национальному образу жизни, т.е. обеспечивается реализация жизненно важных интересов личности, общества и государства [5, с. 55].

Согласно Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537, национальная безопасность — это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную це-

лостность и устойчивое развитие РФ, оборону и безопасность государства. Целью национальной безопасности, в соответствии с ранее действовавшей Концепцией национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 10.01.2000 № 24, являлось обеспечение безопасности многонационального народа РФ на уровне, достаточном для сохранения им суверенитета и возможности осуществлять власть непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления.

Как было отмечено в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2005 года, «необходимым условием развития в стране демократии является создание эффективной правовой и политической системы. Разумеется, сама власть также не должна злоупотреблять имеющимися у нее административными рычагами. И она обязана открывать все новые возможности для укрепления в стране институтов реальной демократии. Несомненно, последовательное развитие демократии в России возможно лишь правовым, законным путем. А всякого рода внеправовые методы борьбы за национальные, религиозные, иные интересы противоречат самим принципам демократии. Государство будет на них законным, но жестким образом реагировать. <...> Организация борьбы с преступностью в стране требует принципиально новых подходов. Соответствующие решения будут подготовлены. Укрепление правопорядка неотделимо от устранения источников террористической агрессии на территории России. За последние годы нами было сделано достаточно много серьезных шагов в борьбе с террором».

При принятии Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года было отмечено, что Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX века: остановила падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла под напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений. Реализуется государственная политика в области национальной обороны, государственной и общественной безопасности, устойчивого развития России, адекватная внутренним и внешним условиям. Созданы предпосылки для укрепления системы обеспечения национальной безопасности, консолидировано правовое пространство. Решены первоочередные задачи в экономической сфере, выросла инвестицион-

ная привлекательность национальной экономики. Возрождаются исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти. Укрепляется общественное согласие на основе общих ценностей свободы и независимости Российского государства, гуманизма, межнационального мира и единства культур многонационального народа РФ, уважения семейных традиций, патриотизма. В целом сформированы предпосылки для надежного предотвращения внутренних и внешних угроз национальной безопасности, динамичного развития и превращения России в одну из лидирующих держав по уровню технического прогресса, качеству жизни населения, влиянию на мировые процессы.

Национальные интересы РФ на долгосрочную перспективу заключаются:

- в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики;

- обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета РФ;

- превращении РФ в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира.

Согласно ранее действовавшей Концепции национальной безопасности РФ механизм обеспечения национальной безопасности включал Президента РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, Совет Безопасности РФ, федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года приведено подобное перечня, что представляется обоснованным. Так, неоправданным являлось отсутствие в этом перечне судов, иных государственных органов, не относящихся к ветвям государственной власти, законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также граждан и организаций. Нельзя отрицать, что от компетентности принимаемых ими решений или реализации субъективных прав и законных интересов, исполнения обязанностей во многом зависят стабильность, уровень защищенности конституционных правоотношений как на общефедеральном уровне, так и на уровне субъекта Российской Федерации.

Согласно ст. 6 Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (далее — Федеральный закон № 390-ФЗ), координацию деятельности по обеспечению безопасности осуществляют Президент РФ и формируемый и возглавляемый им Совет Безопасности, а также в пределах своей компетенции Правительство РФ, федеральные органы госу-

дарственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления. Представляя более широкий перечень субъектов обеспечения безопасности, Федеральный закон № 390-ФЗ приводит полномочия Президента РФ, Федерального Собрания РФ, Правительства РФ, Совета Безопасности РФ, федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности, не упоминая о судах и иных государственных органах, других субъектах, косвенно осуществляющих полномочия в сфере обеспечения безопасности Российского государства.

При этом в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года совершенно справедливо не приведено ограничений относительно субъектов обеспечения безопасности Российского государства и отмечено, что она является основой для конструктивного взаимодействия органов государственной власти, организаций и общественных объединений для защиты национальных интересов РФ и обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Такая гарантия конституционного строя РФ, как национальная безопасность, важна тем, что именно она способствует реализации Конституции РФ, поскольку соответствие фактической конституции юридической и определяет стабильность конституционного строя. Поэтому совершенно справедливо отметил Совет Федерации в Постановлении от 25.04.1994 № 104-1 СФ «Об обращении Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации к Президенту Российской Федерации», что «сегодня в России нет более прочной базы для достижения гражданского согласия в обществе, для выхода из кризиса и успешного продолжения прогрессивных преобразований, чем Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием в декабре 1993 года. Задача состоит в том, чтобы на практике реализовать весь потенциал Основного Закона нашего государства».

Список литературы

1. Авакьян С.А. Проблемы конституционного строительства в Российской Федерации // Актуальные вопросы государства и права в Российской Федерации и Республике Македонии: сб. науч. ст. — М., 2006. Вып. 1. С. 6—21.
2. Авакьян С.А. Стране нужна новая конституция // Законодательство. 2004. № 11. С. 1.
3. Барабаш Ю.Г. Идеологическая основа действующей Конституции Украины: «беззащитная демократия» или «воинствующий радикализм»? //

Конституционное и муниципальное право. 2010. № 12. С. 55—59.

4. Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 33—37.

5. Возженников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. — М., 2000. С. 55.

6. Заявление Конституционного Суда РФ от 26.06.1992 № 3-3 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 27. Ст. 1572.

7. Кабышев В.Т. Конституционные ожидания // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11.

8. Корзина И.А. Полномочия конституционного правосудия в сфере защиты местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 48—51.

9. Корзина И.А. Полномочия конституционных судов в сфере судебной защиты местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 9. С. 29—33.

10. Красинский В.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации о противодействии религиозно-политическому экстремизму // Современное право. 2013. № 6. С. 113—117.

11. Лузин В.В. Методы толкования Конституции в деятельности Верховного Суда США // Государство и право. 1997. № 10. С. 93.

12. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации. — М., 2002. С. 43.

13. Малюшин А.А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики: моногр. — М., 2013.

14. Мамонов В.В. Конституционный строй Российской Федерации: понятие, основы, гарантии // Государство и право. 2004. № 10. С. 42—43, 50—51.

15. Николаев О.В. Проблема нормативности актов в российском законодательстве // Юрист. 2002. № 11. С. 14—15.

16. Принудительное исполнение актов судов и иных органов в отношении юридических лиц (организаций и предпринимателей): проблемные аспекты: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.О. Парфенчиков, Д.Х. Валеев. — М., 2013.

17. Рекомендации Всероссийского совещания по проблемам исполнения федеральными органами государственной власти Российской Федерации и

органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Российская юстиция. 2001. № 6.

18. Хабриева Т.Я. Процессуальные вопросы толкования Конституции в деятельности Конституционного Суда РФ // Государство и право. 1996. № 10. С. 21.

19. Хабриева Т.Я. Теоретические проблемы современного российского конституционализма: научно-практический семинар // Государство и право. 1999. № 4. С. 120—121.

20. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. — М., 2005. С. 7—8, 34, 37, 64.

21. Чиркин В.Е. Конституционное право России: учеб. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2006. С. 64—65.

22. Duncan v. Kahanamoku, Sheriff. Whit v. Steer. Nos. 14, 15. Argued Dec. 7, 1945. Decided Feb. 25, 1946. 327 U.S. 304. 66 S.Ct. 606. 90 L.Ed. 688. URL: <http://openjurist.org/327/us/304/duncan-v-kahanamoku-whit>.

23. Frantzich S.E., Steven E.S. Congress: games and strategies. — Madison, 1995.

24. In re Theodore Olson. Division No. 86-1. United States Court of Appeals, District of Columbia Circuit. Division for the Purpose of Appointing Independent Counsels. Ethics in Government Act of 1978, as Amended. April 2, 1987. As Amended May 1 and May 27, 1987. 818 F.2d 34. 260 U.S.App.D.C. 168. URL: <http://openjurist.org/818/f2d/34/in-re-theodore-olson>.

25. John T. Watkins, Petitioner, v. United States of America. No. 261. Argued March 7, 1957. Decided June 17, 1957. 354 U.S. 178. 77 S.Ct. 1173. 1 L.Ed.2d 1273. URL: <http://openjurist.org/354/us/178>; McGrain, Deputy Sergeant at Arms of the United States Senate, v. Daugherty. No. 28. Argued Dec. 5, 1924. Decided Jan. 17, 1927. 273 U.S. 135. 47 S.Ct. 319. 71 L.Ed. 580. URL: <http://openjurist.org/273/us/135>.

26. Sinclair v. United States. No. 555. Argued Feb. 18 and 19, 1929. Decided April 8, 1929. 279 U.S. 263. 49 S.Ct. 268. 73 L.Ed. 692. URL: <http://openjurist.org/279/us/263/sinclair-v-united-states>.

27. United States Alkali Export Ass'n, Inc., et al. v. United States. California Alkali Export Ass'n et al. v. Same. Nos. 1016, 1017. Argued May 1, 2, 1945.

Problem of Stability of the Constitutional Order of the Russian Federation

Yuliya G. Fedotova,

Cand. in Law, Assoc. Prof. of Dept. of State Law
in Kurgan State University
Russia, Kurgan
julia.fedotowa@yandex.ru

The problem of stability of the constitutional system of the Russian Federation and the guarantee of its security are discussed. The author explores ensuring of stability of the constitutional system and its foundations in the broad and narrow sense of the term, examines the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the mechanism to ensure the national security.

Keywords: constitution, constitutional order, stability, legal guarantee, actual guarantee, Constitutional Court of the Russian Federation, safety.

Decided May 21, 1945. 325 U.S. 196. 65 S.Ct. 1120. 89 L.Ed. 1554. URL: <http://openjurist.org/325/us/196/united-states-v-united-states>.

References

1. Avak'ian S.A. Problemy konstitutsionnogo stroitel'stva v Rossiiskoi Federatsii // Aktual'nye voprosy gosudarstva i prava v Rossiiskoi Federatsii i Respublike Makedonii: sb. nauch. st. — M., 2006. Vyp. 1. S. 6—21.
2. Avak'ian S.A. Strane nuzhna novaia konstitutsiia // Zakonodatel'stvo. 2004. № 11. S. 1.
3. Barabash Iu.G. Ideologicheskaiia osnova deistvuiushchei Konstitutsii Ukrainy: «bezzashchitnaia demokratiia» ili «voinstvuiushchii radikalizm»? // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2010. № 12. S. 55—59.
4. Bobrova N.A. 20 let i 20 nedostatkov Konstitutsii Rossii // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2013. № 3. S. 33—37.
5. Vozzhennikov A.V. Natsional'naia bezopasnost': teoriia, politika, strategii. — M., 2000. S. 55.
6. Zaiavlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 26.06.1992 № Z-3 // Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov Rossiiskoi Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiiskoi Federatsii. 1992. № 27. St. 1572.
7. Kabyshev V.T. Konstitutsionnye ozhidaniia // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2013. № 11.
8. Korzina I.A. Polnomochiia konstitutsionnogo pravosudiia v sfere zashchity mestnogo samoupravleniia // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2012. № 10. S. 48—51.
9. Korzina I.A. Polnomochiia konstitutsionnykh sudov v sfere sudebnoi zashchity mestnogo samoupravleniia // Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2012. № 9. S. 29—33.
10. Krasinskii V.V. Resheniia Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii o protivodeistvii religiozno-politicheskomu ekstremizmu // Sovremennoe pravo. 2013. № 6. S. 113—117.
11. Luzin V.V. Metody tolkovaniia Konstitutsii v deiatel'nosti Verkhovnogo Suda SShA // Gosudarstvo i pravo. 1997. № 10. S. 93.
12. Luchin V.O. Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii: problemy realizatsii. — M., 2002. S. 43.
13. Maliushin A.A. Konstitutsionno-sudebnoe pravotvorchestvo v Rossiiskoi Federatsii: problemy teorii i praktiki: monogr. — M., 2013.
14. Mamonov V.V. Konstitutsionnyi stroi Rossiiskoi Federatsii: poniatie, osnovy, garantii // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 10. S. 42—43, 50—51.
15. Nikolaev O.V. Problema normativnosti aktov v rossiiskom zakonodatel'stve // Iurist. 2002. № 11. S. 14—15.
16. Prinuditel'noe ispolnenie aktov sudov i inykh organov v otnoshenii iuridicheskikh lits (organizatsii i predprinimatelei): problemnye aspekty: sb. mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / otv. red. A.O. Parfenchikov, D.Kh. Valeev. — M., 2013.
17. Rekomendatsii Vserossiiskogo soveshchaniia po problemam ispolneniia federal'nymi organami gosudarstvennoi vlasti Rossiiskoi Federatsii i organami gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii reshenii Konstitutsionnogo Suda RF i konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii // Rossiiskaia iustitsiia. 2001. № 6.
18. Khabrieva T.Ia. Protsessual'nye voprosy tolkovaniia Konstitutsii v deiatel'nosti Konstitutsionnogo Suda RF // Gosudarstvo i pravo. 1996. № 10. S. 21.
19. Khabrieva T.Ia. Teoreticheskie problemy sovremennogo rossiiskogo konstitutsionalizma: nauchno-prakticheskii seminar // Gosudarstvo i pravo. 1999. № 4. S. 120—121.
20. Khabrieva T.Ia., Chirkin V.E. Teoriia sovremennoi konstitutsii. — M., 2005. S. 7—8, 34, 37, 64.
21. Chirkin V.E. Konstitutsionnoe pravo Rossii: ucheb. — 4-e izd., pererab. i dop. — M., 2006. S. 64—65.
22. Duncan v. kahanamoku, Sheriff. Whit v. steer. Nos. 14, 15. Argued Dec. 7, 1945. Decided Feb. 25, 1946. 327 U.S. 304. 66 S.Ct. 606. 90 L.Ed. 688. URL: <http://openjurist.org/327/us/304/duncan-v-kahanamoku-whit>.
23. Frantzich S.E., Steven E.S. Congress: games and strategies. — Madison, 1995.
24. In re Theodore Olson. Division No. 86-1. United States Court of Appeals, District of Columbia Circuit. Division for the Purpose of Appointing Independent Counsels. Ethics in Government Act of 1978, as Amended. April 2, 1987. As Amended May 1 and May 27, 1987. 818 F.2d 34. 260 U.S.App.D.C. 168. URL: <http://openjurist.org/818/f2d/34/in-re-theodore-olson>.
25. John T. Watkins, Petitioner, v. United States of America. No. 261. Argued March 7, 1957. Decided June 17, 1957. 354 U.S. 178. 77 S.Ct. 1173. 1 L.Ed.2d 1273. URL: <http://openjurist.org/354/us/178;McGrain,DeputySergeantatArmsoftheUnitedStatesSenate,v.Daugherty.No.28.ArguedDec.5,1924.DecidedJan.17,1927.273U.S.135.47S.Ct.319.71L.Ed.580.URL:http://openjurist.org/273/us/135>.
26. Sinclair v. United States. No. 555. Argued Feb. 18 and 19, 1929. Decided April 8, 1929. 279 U.S. 263. 49 S.Ct. 268. 73 L.Ed. 692. URL: <http://openjurist.org/279/us/263/sinclair-v-united-states>.
27. United States Alkali Export Ass'n, Inc., et al. v. United States. California Alkali Export Ass'n et al. v.

Same. Nos. 1016, 1017. Argued May 1, 2, 1945.
Decided May 21, 1945. 325 U.S. 196. 65 S.Ct. 1120. 89
L.Ed. 1554. URL: [http://openjurist.org/325/us/
196/united-states-v-united-states](http://openjurist.org/325/us/196/united-states-v-united-states).